

36), приведем для сравнения следующие формы из указанной рукописной фонологизации П. Саммаллахти: лат. *antokt*, акк. *antōkm*, ген. *andown*, акк. *antōum*, ном. 2-го лица ед. ч. *antōul*, ген. *antōn*, *antōt*.

Относительно предложения *maD ku-mašəŋ idža* 'ich bin von den Menschen gepommen' (стр. 114—115) Х. Катц пишет, что он не понимает его немецкого перевода. Далее он считает, что *idža* — это форма 3-го лица ед. ч. от *i-* (ср. и стр. 43), и удивляется, что глагол не согласуется с предполагаемым им подлежащим *maD*. Наконец, он затрудняется объяснить форму *kumašəŋ*, «das aus lautlichen Gründen nicht zu qor «Mensch» gehören kann, sondern ein sonst nicht bekanntes *kuma «Mensch» beherbergen muß» и суффикс *-šəŋ*, которой создает семантические трудности, причем непонятно, почему, в нем выступает *-ə*. На самом деле трудно объяснить лишь форму *kumašəŋ*. Отметим, что на своих лекциях в Хельсинкском университете в 1969 г. А. И. Йоки привел это же предложение с финским переводом 'minä ihmisten ottama olen [я людьми взятый есть (т. е. я людьми взят, люди меня взяли)]'. Он указал также, что в селькупском языке имеется простой (т. е. неслитный) аффиксатный суффикс (Кастрен, Доннер) *-žə*, *-žə*, который образует как финитные, так и инфинитные глагольные формы, например, (Доннер) Кет *tan kuənek kuəle*

küssenollal miššalgal-dža 'sinä mene kalapydykset ottamaan [ты иди принадлежности-рыбной-ловли брать (т. е. иди возьми принадлежности, предназначенные для рыбной ловли)]', *kañnam ta[ɔɔžə]* 'koiran apnoit [собаку ты-дал]'. В рукописном материале К. Доннера по тымскому диалекту мы находим еще и предложение *kumašəŋ idža maəŋ* 'minä ihmisten ottama [я людьми взят]', а рядом с ним другое — *maD kuBšəŋ meššəəŋna* 'minä ihmisten häiritsemä [я людьми обеспокоен ~ встревожен]'. Следовательно, имеются все основания полагать, что *idža* является формой причастия претеритума от *i-* 'взять', а не финитной формой. Рядом с *kumašəŋ* видим форму с более обычной основой: *kuBšəŋ*.

Высказанные нами замечания в общем не снижают очевидных достоинств книги Х. Катца; они свидетельствуют лишь о том, что в настоящее время ко многим фактам селькупского языка пока еще нельзя подходить единообразно. Причиной тому — разноречивый материал и слабая разработанность теории селькупского языка. Книга Х. Катца, дающая комментированное освещение опубликованных материалов К. Доннера по тымскому диалекту, вносит тем самым вполне определенный вклад в изучение селькупского языка. Будем с интересом ждать появления книги «Selcupia II».

АГО КЮННАП (Тарту),
Ю. А. МОРЕВ (Томск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1977.1.11>

Г. Е. Корнилов, Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей I, Чебоксары 1973 г.

Изданная в 1973 году книга Г. Е. Корнилова представляет собой начало публикации первого многотомного монографического исследования автора, адресованного прежде всего специалистам по финно-угорским языкам и тюркологии. Г. Е. Корнилов, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, ранее опубликовал ряд статей, заметок и сообщений по разнообразным частным и общим вопросам тюркологии, финно-угрове-

дения, славистики и т. д. Объем рецензируемой книги — 297 стр. машинописного текста, размноженного на ротапринте (тираж 500 экз.), она содержит 211 пронумерованных словарных статей (в приложенном «Указателе языков» вместо страницы указан номер соответствующей статьи). Хорошо отредактированная, книга читается легко и с интересом, хотя читателя-венгра, а также специалиста по венгерскому языку несколько озадачивает на первых порах транслитерация вен-

герских слов кириллицей. Видимо, автор по техническим причинам не мог решить эту проблему иначе. Утешением, однако, служит то отрадное обстоятельство, что транслитерация и транскрипция венгерской части выполнены безупречно.¹ Словарные статьи следуют в порядке венгерского алфавита от А до С (*csillag*), но упомянутый «Указатель языков», занимающий 66 стр., позволяет легко найти любое нужное слово, кроме одиночных случаев, когда автор, видимо, читая последнюю корректуру, вычеркнул некоторые параллели из текста, забыв, однако, вычеркнуть их из указателя (мы насчитали менее десяти слов).

Г. Е. Корнилов глубоко и вдумчиво анализирует материал, извлеченный главным образом из исторических, диалектологических и этимологических словарей, работ З. Гомбоца, Н. И. Ашмарина и т. д. И хотя круг источников в целом следует считать весьма обширным, главным объектом критики, осмысления и дополнения служит, разумеется, «*A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I*» (Budapest 1967). Этот словарь составлен большим авторским коллективом под руководством академика Лоранта Бенке и в известной мере синтезирует с определенных позиций и обобщает под углом зрения авторского коллектива многовековую аналитическую работу в области изучения венгерского языка. Вполне естественно, что он вызвал большой интерес во многих странах и столь же закономерно стремление специалиста не только читать словарь, но и анализировать его, так как известно, что венгерский словарный фонд имеет множество основ, происхождение которых или дискуссионно или совершенно неизвестно.²

Г. Е. Корнилов анализирует материал этимологического словаря венгерского языка главным образом с точки зрения чувашевода-тюрколога и алтаиста.³ Это особенно уместно, поскольку приблизительно 2000 лет назад предки чувашей и венгров жили вместе на Урале и севернее Кавказа на протяжении веков. В результате этого в венгерском языке встречается очень много чувашских слов. В конечном счете тюркско-венгерские языковые связи длились около тысячи лет. Естественно, что чувашские составляют чуть ли не самую большую часть всех тюркских заимствований; они были объектом

исследований многих венгерских и иностранных филологов, однако как ни парадоксально, но чувашские филологи до Г. Е. Корнилова не занимались болгаро-чувашскими заимствованиями в венгерском языке, а когда касались их, то довольствовались ссылками на работы венгерских авторов.⁴ Фундаментальные труды З. Гомбоца, Б. Мункачи и других венгерских филологов, а теперь и книга

¹ Здесь наши наблюдения совпадают с наблюдениями Н. А. Сыромятников, который, упоминая рецензируемый труд, пишет: «Все древнеяпонские и индонезийские морфемы цитируются без единой ошибки» (Н. А. Сыромятников, *Заимствованные и исконные общности в алтайских языках*. — ВЯ 1975, № 3, стр. 56, сноска 34). По мнению ряда тюркологов, высказанному устно, отсутствуют описки и ошибки в передаче алтайского материала, но, как сообщил Т.-Р. Вийтсо, отдельные неточности в передаче некоторых прибалтийско-финских звуков и немногочисленных ирландских основ все же вкратились. Справедливости ради следует отметить, что передача чувашских слов в большинстве центральных изданий представляет собой весьма печальную картину даже у тюркологов, не говоря уже о финно-угроведах или славистах.

² Ср. замечание О. Н. Трубачева о «внушительной группе венгерской лексики», которая «по-прежнему остается неизвестной по своему происхождению». См. его рецензии: на первый том — *Этимология 1968* (Москва 1971); на второй том — *Этимология 1971* (Москва 1973).

³ См. Н. А. Сыромятников, указ. раб., согласно которой Г. Е. Корнилов — единственный алтаист, привлеченный японский материал, и, уточняя болгаро-чувашско-венгерские лексические параллели, в первом томе использовавший 148 примеров из древнеяпонского языка.

⁴ См. например: Н. И. Ашмарин, *Болгары и чувашы*. — Казань 1902, стр. 34—37, где пересказывается работа Б. Мункачи; В. Г. Егоров, *Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении*, Чебоксары 1954, где по вопросу о болгаро-чувашско-венгерских контактах упоминаются исключительно иностранные имена; его же, *Этимологический словарь чувашского языка*, Чебоксары 1964, где все без исключения венгерские параллели к чувашским словам почерпнуты из трудов венгерских языковедов и т. д. В этих условиях было бы непостытельным пренебрежением к чувашской культуре вообще полное игнорирование книги Г. Е. Корнилова, уникальной для чувашской филологии, хотя, разумеется, и не лишенной тех или иных недостатков.

Г. Е. Корнилова показывают, что лексический фонд венгерского и чувашского языков, включающий генетически общие урало-алтайские основы, общеалтайские, тюркские и чувашские заимствования в венгерском языке, уральские заимствования в чувашском языке, общие заимствования из славянских языков и т. д., в целом почти необъятен. Неудивительно, что еще во второй половине XIX в. некоторые филологи (А. Вамбери и др.) считали, что венгерский язык является тюркским в своих истоках. В свою очередь, ряд известных языковедов (например, Ш. Дярмати и др.) были убежденнейшими сторонниками финно-угорского происхождения чувашского народа и языка.⁵

Первым среди чувашских языковедов, анализируя венгерские производные и непроизводные основы с точки зрения не только алтаистики, урало-алтаистики и тюркологии, но и с точки зрения узкого специалиста по чувашскому языку, Г. Е. Корнилов как бы противопоставляет свою работу исследованиям венгерских языковедов, к которым относится с большим почтением. Очень жаль, что книга лишена предисловия, в котором бы излагалась с той или иной степенью лаконичности история вопроса, но этот недостаток еще можно восполнить в послесловии к последнему тому.

Как уже вскользь упомянуто, в работе содержится глубокий анализ не только венгерских, чувашских, тюркских основ, но привлекаются и данные других европейских и азиатских языков, что, несомненно, является положительным фактом и казалось бы вполне оправдывает священные уточнению объема и характера чешские параллели» — это название не одной книги, а задуманной автором серии работ, первые из которых будут посвящены уточнению объема и характера булгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей, последующие — уточнению объема и характера булгаро-чувашско-индо-иранских параллелей, затем — определению объема и характера булгаро-чувашско-славяно-германских параллелей и т. д. Разумеется, судьба всего предприятия зависит не только от самого автора, решающими могут оказаться характер внимания и степень объективности и доброжелательности научной общественности в Чувашии и за ее пределами.

Уже в первой книге, более других имеющей право на снисходительность, находим очень много интересных данных, в разной степени вероятных сравнений, сопоставлений, предположений и вполне определенных оригинальных заключений. Легко и непринужденно постигается сущность расуждений автора, благородная направленность его устремлений.

В этой рецензии мы не можем предложить нового анализа основ, рассмотренных Г. Е. Корниловым впервые или вслед за своими (многочисленными подчас) предшественниками. Но на некоторых статьях считаем возможным остановиться.

0.0.1.7. По поводу венг. *aall* 'стоять' автор справедливо сомневается в соотносимости производного от этой основы *aallando* 'постоянный' с чув. *йалан* 'постоянно, всегда'. *aallando* — довольно позднее (XV—XVI вв.) образование с помощью суффикса *-андоо* (первая фиксация на письме — 1519 г.) и лучше было бы статью в книгу совсем не включать.

0.0.2.2. Венг. *aapol* 'ухаживать, ходить за кем-либо', которое венгерский историко-этимологический словарь считает неизвестным по происхождению, автор убедительно сравнивает с чувашским рефлексивом *аппалан-*, производным от *аппа* 'нянька', перв. 'нянчиться', в результате чего и венгерская и чувашская основы получают неожиданно простое и убедительное осмысление.

0.0.4.0. Венгерскую основу *аазик* автор анализирует с явно избыточным привлечением данных урало-алтайских, индоевропейских и других ностратических языков, здесь много, тем не менее, оригинальных сближений, интерпретаций, этимологий ранее считавшихся темными слов. Побочным, но закономерным и исключительно ценным «продуктом» рассуждений автора является и предложенная им этимология русского слова *сосна*, оказавшаяся (видимо, не случайно) в русле предсказаний известного советского слависта О. Н. Трубачева.⁶ Это не единственная,

⁵ S. Gyarmathi, *Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Fennicae originis grammaticae demonstrata*, Göttingen 1799.

⁶ См. его примечание в книге: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка III*, Москва 1971, стр. 727, в котором, сказано, что «это слово первоначально относилось к терминологии

но одна из наиболее ярких этимологий Г. Е. Корнилова, касающихся лексики русского языка и других славянских (имеются спорные и даже, видимо, неверные интерпретации отдельных славянских слов, но тем не менее, было бы необъективно сводить к упущениям значение славистических экскурсов автора вообще).

0.0.2.4. Венг. *aar*. Анализ выполнен почти на ностратическом уровне. Здесь много спорного и одновременно интересного, например, предположение о гомогенности гидронимов — *Ангара* (в Сибири), *Ангар* (приток Салгира в Крыму), *Ганг* (в Индии, Пакистане), *Ме-конг* (во Вьетнаме), *Конго* (в Африке) — не лишено семантических и фонетических оснований. На данном этапе, как справедливо отмечает автор, требует доказательств гетерогенность, а не гомогенность этих производных.

0.0.4.4. Сравнение венгерской основы *байтаари* 'товарищ, друг, соратник' с чувашскими антропонимами было бы убедительнее, если бы были до конца известны семантика и морфологический состав последних.

0.0.5.0. Венг. *баша/наша* 'турецкий наместник, деспот и т. д.' заимствовано из османско-турецкого, что засвидетельствовано в языковых памятниках. Автору следовало указать на это обстоятельство, прежде чем обращаться к морфологическому и семантическому анализу гомогенных основ и их производных в чувашском, тюркских и индоиранских. Конечно, в статье утверждения или предположения о возможном болгаро-чувашском источнике венгерской основы нет, прямой ошибки автор не допускает, но тем не менее предлагаемое уточнение было бы уместным.

0.0.5.8. Этимология венг. *бельшйё* 'внутренний' в рамках венгерского языка не проблематична, поэтому даже самые осторожные сравнения с чувашским материалом попросту излишни. Статью не следовало включать в книгу.

0.0.8.0. Много интересного, подчас с

бортничества и обозначало дуплистое дерево», в связи с чем сравнение Г. Е. Корнилова с перм. *созина* 'гнилая сердцевина дерева', *созна* 'гниль красная' и соответствующими основами в урало-алтайских языках окончательно устанавливает происхождение и этимологию этого восточнославянского слова.

неоправданными отступлениями, автор пишет об этнониме *болаар* и социониме *полгаар* 'гражданин'. Самостоятельный интерес представляют многие сближения и параллели, впервые предлагаемые автором, но как и в 0.0.5.0. *баша/наша*, недостает категорического замечания о разных путях и источниках этих двух производных основ, являющихся, по мнению автора, гомогенными в конечном счете, в чем мы, однако, сильно сомневаемся.

0.2.1.1. Убедительно показан идеофонный (символический) характер производящей основы венг. *чиллаг* 'звезда' и ее многочисленных параллелей в урало-алтайских языках. Одна из многих статей, призванных быть доказательствами теории автора об идеофонической природе человеческой речи вообще. В этом отношении Г. Е. Корнилов явно находится под обаянием известных работ Н. И. Ашмарина, но его понимание подражания в языке существенно отличается в деталях от понимания предшественников. Чрезвычайным примитивизмом, а подчас и сознательным шельмованием считает автор попытки ввести языковые подражания исключительно к звукоподражаниям, понимая под идеофонами не только и не столько звукоподражательные комплексы, а главным образом символические звуко-сочетания, сигнализирующие о состоянии, действии, цвете и даже статике (разных видах неподвижности) и т. д. Видимо, полного и стройного изложения теории первичных поливалентных идеофонов следует ожидать в последних выпусках работы, когда у автора появится возможность делать исчерпывающие ссылки на уже рассмотренные конкретные данные, привлеченных к анализу языков.

Хочется рекомендовать автору, чтобы в словарных статьях более четко и лаконично указывались результаты исследований предшественников, а в конце статьи — столь же четко и лаконично излагались собственные результаты, чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений в важности и необходимости обращения именно Г. Е. Корнилова к каждому из включаемых в книгу сюжетов.

Видимо, можно было бы продолжить перечень указаний, критических замечаний и пожеланий автору. Мы не исключаем, что книга Г. Е. Корнилова, помимо нашей рецензии, вызовет немало и одобрений и частных нареканий. Но ни сделан-

ные, ни возможные критические замечания не снижают общего положительного значения рецензируемой работы. Она является ценным вкладом не только в венгерскую и чувашскую филологию, но,

судя по объему привлеченного материала (см. указатель языков, стр. 231—297), и в общее сравнительно-историческое языкознание.

ИМПРЕ ЗИКАНЬ (Ужгород)

Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Отв. ред. Е. С. Гуляев, Москва. Издательство «Наука», 1975, 268 стр. (Академия наук СССР. Коми филиал).

Самым важным направлением современного коми языкознания по праву можно назвать диалектологию. Ученые Коми АССР в этой области достигли определенных успехов, опубликованы монографии по верхневьчегодскому, присыктывкарскому, ижемскому и печорскому диалектам.¹ В ближайшие годы будут завершены работы по всем остальным диалектам коми-зырянского языка. Отрадно отметить и появление первой монографии по коми-пермяцкой диалектологии.²

Рецензируемая работа посвящена одному из самых интересных коми-зырянских диалектов — верхнесыольскому. Она состоит из следующих разделов: Фонетика и Морфология. В качестве приложений представлены словарь диалектных слов и образцы текстов. Книге предпослано небольшое введение — От редакции, в котором определены цели и задачи исследования.

Верхнесыольский диалект распространен на территории бассейна р. Сысолы, левого притока Вычегды, в ее верхнем течении примерно от устья р. Тыбью до верховьев р. Сысолы; к данному диалекту относится также говор, на котором говорят по р. Кобра, правому притоку Вятки.

¹ В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневьчегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966 (Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 10); Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колечова, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976.

² Р. М. Баталова, Коми-пермяцкая диалектология, Москва 1975.

Детальное изучение всех структурных особенностей верхнесыольского диалекта до сего времени не проводилось, хотя чувствовалась в этом острая необходимость. Данный диалект является как бы связующим звеном между коми-зырянским и коми-пермяцким языками и в то же время важнейшим звеном в цепи коми-зырянских диалектов как органическая часть их южной группы.

Территория описываемого диалекта, как и прилегающих к ней районов, в археологическом отношении изучена слабо, однако есть причины считать этот район издревле заселенным коми племенами. Об этом дает представление раздел «К истории заселения верхней Сысолы» (стр. 6—13), написанный этнографом Л. Н. Жеребцовым. На материале грамот, писцовых и переписных книг XVI—XVIII вв. автор показывает передвижение населения этого края. Кроме исторических и статистических сведений, для выяснения истории заселения верхней Сысолы Л. Н. Жеребцов привлекает фамилии и прозвища жителей.

В разделе «Фонетика» (стр. 14—58) характеризуется звуковой состав описываемого диалекта, имеющий ряд особенностей, многие из которых сближают его с коми-пермяцким языком, лузско-летским и среднесыольским диалектами коми-зырянского языка и отличают от других диалектов.

Главной особенностью данного диалекта является наличие двух специфических фонем — открытого *ö* и закрытого *õ*, которые не встречаются в других современных коми-зырянских говорах. Первым обратил на это внимание В. И. Лыткин: «Самой главной чертой этого говора (ВС) является наличие двух родов «о»: обыкновенного открытого, существующего